

С.А. Попов

*Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра*

«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

КРИТЕРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЛОСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ КОНЦА XVIII – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

*Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России»
(№ государственного учета 122040800166-0)*

Анализируются критерии образования волостей в государственной деревне в период с 1797 по 1866 гг. на основе сопоставления нормативных актов, определявших начало нового этапа в развитии волостной организации: 1) доклад Экспедиции государственного хозяйства 7 августа 1797 г.; 2) проект 30 апреля 1838 г., являвшийся частью реформы П.Д. Киселева; 3) Общее Положение о крестьянах 19 февраля 1861 г. Автор считает, что в XIX в. правительство находилось в поиске оптимальных размеров волостей. Это выражалось в изменении допустимой численности ее населения и расположения деревень от волостного правления. Впрочем, установленные законами нормы не были универсальными для всех губерний, поэтому местным властям позволялось отступать от них.

Государственные крестьяне, волость, законодательный акт, критерии формирования, Павел I, реформа П.Д. Киселева, Великие реформы.

Термин «волость» встречается в исторических источниках с конца X в. [4, с. 13–18]. В документах понятие использовалось в нескольких значениях, а его семантика развивалась параллельно становлению социально-политического строя и административно-территориального устройства государства. В историографии волость определяется, с одной стороны, как конкретная территориальная единица. В этом статусе она идентифицируется как с отдельным населенным пунктом, так и с небольшим административным округом, объединявшим несколько населенных пунктов, или с совокупностью этих административных округов [3, 6, с. 22; 16, с. 173, 176]. С другой стороны, она отождествляется с административно-хозяйственным институтом, социокультурным сообществом крестьян, т.е. с общиной [2, с. 47; 9, с. 6; 17, с. 39–40; 18, с. 188].

На фоне разнообразных направлений исследования волостной организации представляется недостаточно проанализированным вопрос ее формирования как административно-территориальной единицы управления. Совершенно незатронутыми остаются законодательные нормы, которые предъявлялись к образованию волостей у государственных крестьян. В свою очередь, этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, т.к. с конца XVIII в. он являлся неотъемлемой частью реформирования системы управления казенной деревней. В представленной работе охарактеризованы критерии образования волостей в государственной деревне, установленные нормативными документами конца XVIII – XIX вв.

В основе анализа – законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Акцент сделан на высочайше утвержденные

документы: доклад Экспедиции государственного хозяйства 7 августа 1797 г.; проект 30 апреля 1838 г., являвшийся частью реформы П.Д. Киселева; Общее Положение о крестьянах 19 февраля 1861 г. Дополнительно привлекались неопубликованные источники, выявленные в историческом архиве Санкт-Петербурга. Они представлены делопроизводственными материалами центральных учреждений Российской империи.

Со второй половины XVIII в. волость по инициативе правительства начала приобретать статус словесной единицы административно-территориального управления. Этому способствовало развитие социальных институтов общества и политика верховной власти. К середине столетия завершился длительный процесс юридического оформления государственного крестьянства в единое сословие. Перед властью возникла задача формирования целостной системы управления казенной деревней на местах. В течение последующего времени она вела активный поиск решения этого вопроса. Исследователь истории Русского Севера А.В. Камкин выделил три основополагающих нормативных акта в этом направлении: 1) реформа 1775 г., когда местные органы получили наиболее завершенную бюрократическую форму в духе идей «просвещенного абсолютизма»; 2) закон 1787 г. об оформлении единообразной системы крестьянских органов; 3) закон 7 августа 1797 г. об организации волостного управления, когда «мир» был окончательно подчинен бюрократической власти [8, с. 177].

Результатом административных преобразований в сфере управления деревней, начатых Екатериной II и продолженных Павлом I, стало создание самоуправляющейся волости. Высочайше утвержденный доклад

Экспедиции государственного хозяйства 1797 г. придал ей юридический статус единицы административного управления на местах [21]. По сути, волость была выведена из структуры территориального деления государства и перестала выступать географическим подразделением уезда, как это было ранее. С этого времени и до 1917 г. в его состав входило определенное количество волостей, которые, как указывает П.П. Котов, «обнимали крестьянские земли», не покрывая всей площади уезда сплошными участками. Они занимали по нему небольшие пространства среди угодий казны, удела, помещиков и других владельцев земли [14, с. 14].

Таким образом, доклад 7 августа 1797 г. определил волостную организацию государственной деревни. По мнению П.А. Колесникова, это выражалось в укрупнении волостей и создании новой структуры волостных и деревенских «миров» [13, с. 93]. Цель проводившихся преобразований – улучшение порядка в сельском управлении, что выражалось в установлении эффективного контроля за функционированием крестьянского самоуправления и в обеспечении своевременного поступления причитающихся с поселян податей и сборов. За образец был взят опыт сельского управления в удельном ведомстве, где указом 5 апреля 1797 г. на местах формировалась система административно-территориального устройства в форме приказов [15]. Заметим, что правительством эти образования – волость и приказ – по статусу приравнивались, а их основу составляли сельские общества [28, л. 4].

В конце XVIII столетия на законодательном уровне были прописаны четкие критерии образования волостной организации. При ее формировании должны были учитываться три фактора: социальная категория поселян, численный состав жителей и территориальный принцип. Следовательно, волость образовывалась только из населенных пунктов государственных крестьян. В ее состав не включались казенные селения, ранее причисленные к удельному ведомству и командорству. К последним относились имения из числа государственных земель, пожалованных кавалерам российских орденов [20].

В состав создававшейся административной структуры входили различные типы сельских поселений: село, сельцо, слободка, погост, деревня и др. Господствующими из них, как правило, являлись село и деревня. Однако по губерниям населенные пункты значительно различались как по числу проживавших в них крестьян, так и по площади. Нередко это обуславливалось региональными особенностями освоения территорий, когда поселяне размещались на землях не только удобных для проживания, но, в первую очередь, пригодных для пашни и животноводства. Так, например, на Европейском Севере в большинстве случаев они расселялись узкой лентой вдоль рек, занимая пойменные луга и открытые и свободные от «дикого» леса приречные земельные участки [12, с. 74]. Значительные колебания в размерах обществ государственных крестьян наблюдались в Сибирском регионе [31].

Реформируя волостную организацию, Экспедиция государственного хозяйства приняла во внимание

данную ситуацию. В представленном докладе не стандартизировался количественный состав новой административной единицы. Правительство установило только максимальное значение, т.е. в нее должно было включаться не более 3000 ревизских душ (6000–6200 лиц обоего пола). Кроме этого, необходимо было соблюдать устоявшийся в империи территориальный принцип распределения землепользователей [21, с. 673]. Определение конкретного числа крестьян, следовательно и поселений, составивших волость, отдавалось на откуп губернаторам с согласованием с региональными казенными палатами. Местной власти предписывалось не только определить оптимальный численный состав волости, но и соблюсти целостность пятисотных участков, т.е. территориальный показатель. Последние создавались для скорейшего и удобного сбора рекрутов и иных повинностей с сельских жителей посредством условного разделения крупных и объединения мелких селений в территориальные части, насчитывавшие 500 ревизских душ (1000–1050 лиц обоего пола) [19, с. 989].

Таким образом, можно констатировать, что в конце XVIII в. в основе образования волости находились социально-демографические показатели. При этом со стороны власти не придавалось значения ее территориально-географическим характеристикам. Причина такого положения – представление правительства об оптимальном размере административной единицы, который заключался исключительно в ее населенности. Так, волость в количестве 1000–1500 чел. считалась оптимальной, 3000 чел. – крупной, 6000 чел. – с предельной населенностью [10, с. 5].

Следующая стадия трансформации волостной организации – реформа П.Д. Киселева, проведенная в 1837–1841 гг. Изменение принципов образования рассматриваемой единицы было частью комплекса мер, направленных на реформирование системы управления государственной деревней. Как и при Павле I, основная причина преобразований – стремление усовершенствовать вертикаль власти в поселениях, подведомственных Министерству финансов. Разрабатывая положения реформы, П.Д. Киселев опирался не только на собственные взгляды, но и обращался к проектам по преобразованию казенной деревни, составленным как современниками, так и предшественниками. К примеру, Павел Дмитриевич изучил проект Екатерины II «Об устройстве свободных сельских обывателей», который ему предоставил министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Однако он признал его «неудобоприменительным» и не стал использовать в своих целях [26, с. 455]. Рассмотренные графом материалы объединялись общим взглядом относительно причины существовавших в сельской местности трудностей. Как указал в диссертационном исследовании А.А. Ачмизов, в их основе прослеживалась идея о том, что все проблемы казенной деревни вызваны недостатками ее системы управления [1, с. 20–21].

Преобразование П.Д. Киселева включали комплекс нормативных актов. Интересующий нас предмет исследования регламентировался законом от 30 апреля 1838 г. [23]. Модернизация волостной структуры проводилась по направлениям, что и на предыдущем этапе, но с изменениями и дополнениями

ми. Во-первых, в состав административной единицы включались сельские общества государственных крестьян всех наименований, а также свободных хлебопашцев. Заострим внимание на уточнении, касавшемся казенного населения, которое в законе неслучайно. В конце XVIII – первой трети XIX в. продолжилось расширение сословия государственных крестьян посредством включения в его состав новых категорий земледельцев. Это происходило в результате как расширения государственных границ, так и социально-экономических преобразований в стране. В итоге, по утверждению Н.М. Дружинина, сословие «превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения». Среди государственных крестьян появились выходцы из мещан, духовенства, военных [5, с. 43].

20 февраля 1803 г. по инициативе графа С.П. Румянцева был издан указ «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии освоенных» [22]. Согласно документу, разрешалось отпускать крепостных на волю, наделяя их землей. После освобождения они, если не входили в состав других сословий, приобретали статус «свободных хлебопашцев». Также их ряды могли пополнять ранее вольноотпущенные дворовые люди и сельские жители, приобретшие землю в собственность. Фактически закон не обрел массового распространения, а численность получивших свободу лиц была незначительной. По данным И.М. Катаева, в царствование Александра I был зафиксирован всего 161 случай освобождения крестьян, с общей цифрой вышедших на волю 47 153 души мужского пола [11, с. 84]. В свою очередь, П.А. Зайончковский, ссылаясь на труд В. Семецкого, приводит цифру – 33 782 мужские души, что составляло менее 0,5% от общего количества крепостных крестьян [7, с. 67].

Новый разряд сельских обывателей приобретал обязанности по оплате налогов и сборов, несению повинностей, возложенных на государственных крестьян, а на заселенных ими территориях распространялась аналогичная казенной деревне система управления. Реформируя волостную организацию, аппарат П.Д. Киселева учел современную социально-демографическую ситуацию в сельском обществе империи. Поэтому им был расширен состав волостных жителей.

Во-вторых, было предложено провести укрупнение волостей по численности населения. В них следовало объединять смежные сельские общества одного уезда с общим количеством не более 6000 ревизских душ (12 000–12 600 душ обоюбого пола). Этот факт позволяет рассуждать, что утвержденная Павлом I система формирования волостей правительством Николая I признавалась неэффективной. В свою очередь, вызывает сомнение целесообразность увеличения этого критерия в два раза особенно для таких регионов страны, как Европейский Север и Сибирь. Как отмечает Н.Г. Суворова, в начале XIX в. даже во внутренних губерниях волости, насчитывавшие 1500–3000 ревизских душ, – явление не повсеместное [30, с. 164]. Заметим, что в этих регионах плотность жителей была в разы выше, чем на окраинах.

В-третьих, реформаторы обратились к вопросу регулирования территориального пространства волос-

ти. Впервые законом устанавливалось максимальное расстояние между «главным» населенным пунктом, где находилось правление, и самым удаленным сельским обществом. Последний должен был располагаться от «центра» не более 40 верст или не дальше двух дней пути [23, с. 551]. Следовательно, верховная власть расширила критерий масштаба территории административной единицы, отказавшись от соблюдения количественного показателя целостности пятисотных участков. Однако, как и в предыдущем случае, этот показатель затруднительно считать универсальным для всей империи. Например, данное условие было не просто соблюсти на землях Европейского Севера. Так, П.П. Котов отмечает, что многие селения Коми края¹ располагались от волостных правлений на расстоянии в 100 и более верст [14, с. 17].

Таким образом, результатом реформы П.Д. Киселева в области формирования волости стало расширение критериев ее образования. Реагируя на социальное развитие сельского общества, правительство отошло от мер, основанных исключительно на демографических показателях. Стремление повысить эффективность деятельности крестьянских общественных учреждений потребовало от власти реорганизовать волость с учетом не только ее населенности, но и пространственно-географических характеристик местности.

В 1866 г. в государственной деревне были проведены очередные преобразования системы управления. Нормативным актом от 18 января казенные крестьяне всех наименований переводились из ведения Министерства государственных имуществ в общи губернские и уездные, а также местные по крестьянским делам учреждения [25, с. 34]. Одновременно их общественное управление приводилось в соответствие с нормами Общего Положения о крестьянах, утвержденного 19 февраля 1861 г. [24, с. 147–155]. Эти нововведения сопровождались реорганизацией принципов устройства рассматриваемой единицы. Она должна была формироваться согласно требованиям, действовавшим на землях бывших помещичьих крестьян, но с условием сохранения ее состава, существовавшего на казенных территориях. Изменения допускались при крайней необходимости и «когда селения крестьян собственников или временно-обязанных находятся между селениями государственных крестьян, и наоборот» [25, с. 35]. В этом случае разрешалось объединить в одну административную единицу деревни указанных категорий населения. Выделенное примечание позволяет рассуждать о намерении правительства в ходе преобразования управления государственной деревней сохранить устоявшиеся внутри ее волостной организации административно-территориальные связи. Следовательно, прописанные в Общем Положении требования к ее формированию

¹ В научной литературе применительно к дореволюционному периоду Коми край являлся в некоторой степени понятием условным, т.к. он не был самостоятельной административной единицей. Традиционно под ним понимаются территории Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и часть Мезенского уезда Архангельской губернии, которая в 1891 г. была выделена в отдельный Печорский уезд. Основную долю удельного веса в социальной структуре населения края составляли государственные крестьяне, в этническом отношении – коми (зыряне).

должны были применяться к вновь образуемым волостям.

Прежде чем рассмотреть критерии, отметим одно обстоятельство. В процессе разработки материалов, касавшихся составления положений о крестьянах, административным отделением редакционных комиссий, на которое возлагалась разработка вопросов общественного крестьянского устройства, первоначально не предусматривалось формирование волостей. Более того, оно предлагало полностью отказаться от подобного устройства, существовавшего на тот момент в казенной деревне. Так, в докладе от 5 мая 1859 г. за № 1 им рекомендовалось создание сельского общества и поземельной общины, где первое представлялось единственной инстанцией крестьянского самоуправления [27, л. 1–1 об.]. Впервые термин «волость» применительно к проектированным крестьянским учреждениям был использован на заседании общего присутствия редакционных комиссий 30 мая 1859 г., на котором рассматривался упомянутый доклад № 1. В частности, участники данного собрания термин «сельское общество» заменили определением «волость» (Там же, л. 2). И.М. Страховский считал, что сделано это было случайно, по редакционным соображениям. Однако эта правка вызвала важные и неожиданные последствия по существу дела [29, с. 5].

Итак, в результате реформ 1860-х гг. при образовании волостей на территории проживания бывших государственных крестьян предписывалось соблюдать два требования: численный состав населения и территориальный принцип. Обязательство учитывать принадлежность землепользователей к рассматриваемой социальной категории нивелировалось в связи с ликвидацией существовавшего до Великих реформ разделения крестьян по социальному статусу. Это подтверждается и тем фактом, что законом разрешалось образовывать волость в границах действовавшего прихода, если последний «соответствует условиям, в предыдущей статье постановленным» [24, с. 147], т.е. выделенным критериям.

Относительно населенности волости отметим, что Общим Положением о крестьянах 19 февраля 1861 г. максимальная численность крестьян снижалась до 2000 ревизских душ (4000–4200 лиц обоего пола). В результате, правительством в три раза была уменьшена допустимая концентрация жителей в анализируемой единице. Следовательно, установленный в 1840-е гг. максимум снова был признан нецелесообразным с точки зрения эффективности управления деревней. Следует отметить, что при Александре II впервые вводился ее минимальный состав – «около трехсот ревизских мужского пола душ» (Там же). Территориальное пространство волостей также было сокращено. Допустимая отдаленность селений, входивших в ее состав, от места расположения правления устанавливалась в пределах 12 верст. В результате максимальное расстояние между центром и окраиной уменьшалось более чем в три раза относительно норм, определенных реформой П.Д. Киселева.

Несмотря на значительное снижение выделенных показателей, они не были оптимальными для всей территории империи. Во второй половине XIX в. резко возросли темпы роста сельского населения по

сравнению с дореформенным периодом. Однако плотность населения по губерниям по-прежнему значительно различалась. Это понимали и разработчики реформы, поэтому в местностях, где было невозможно выдержать установленные правила, допускалось отступление от них, но с «разрешения Начальника губернии» [24, с. 147].

Таким образом, в законодательной регламентации критериев образования волостей в государственной деревне конца XVIII – XIX вв. можно выделить три периода: 1) установление Павлом I в 1797 г. требований, которые базировались на социально-демографических показателях; 2) преобразование управления казенной деревней П.Д. Киселева, когда законом 1838 г. было установлено учитывать не только ее населенность, но и пространственно-географические характеристики местности; 3) реформирование общественного управления государственной деревни 1866 г. В результате здесь были распространены идентичные с бывшими помещичьими крестьянами правила формирования волостей, а требование обязательного соблюдения социальной категории землепользователей упразднилось.

Модернизация исследованных критериев являлась неотъемлемой частью реформирования института управления казенной деревней, направленного, в том числе, на повышение эффективности функционирования крестьянского общественного самоуправления. Анализ показал, что в XIX в. правительство находилось в поиске оптимальных размеров волостей. Это выражалось в изменении допустимой численности ее населения и расположения деревень от волостного правления. Впрочем, установленные законами нормы не становились универсальными для всех губерний, поэтому местным властям позволялось отходить от них.

Литература

1. Ачмизов, А. А. Государственные крестьяне в России: трансформация правового статуса, управления и сословного самоуправления: XVIII – XIX вв.: историко-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аслан Аскерович Ачмизов. – Курск, 2015. – 26 с.
2. Гагиева, А. К. Крестьянская поземельная община на территории Яренского уезда Вологодской губернии в XVIII веке / А. К. Гагиева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6–2 (20). – С. 47–49.
3. Горский, А. А. Об эволюции понятия «волость» / А. А. Горский // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2011. – № 2. – С. 19–21.
4. Древняя Русь: очерки политического и социального строя / А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. Ф. Лукин, П. С. Стефанович. – Москва : Индрик, 2008. – 480 с.
5. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / Н. М. Дружинин. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1946. – Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. – 631 с.
6. Жеребцов, И. Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население / И. Л. Жеребцов – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1998. – 176 с.
7. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 292 с.

8. Камкин, А. В. Крестьянское правотворчество и государственное законодательство (по материалам второй половины XVIII в.) / А. В. Камкин // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): межвузовский сборник научных статей. – Пермь : [б. и.], 1982. – С. 175–189.
9. Камкин, А. В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке : специальность 07.00.07 «Этнография» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Александр Васильевич Камкин. – Москва, 1993. – 39 с.
10. Камкин, А. В. Крестьянские мирь-волости Европейского Севера в XVIII веке: размеры, людность, типология / А. В. Камкин // Историческая демография. – 2016. – № 1 (17). – С. 4–8.
11. Катаев, И. М. Законодательство о крестьянах при императорах Павле I и Александре I / И. М. Катаев // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / редактор А. К. Джигелева, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. – Юбилейное издание. – Москва : Товарищество И. Д. Сытина, 1911. – Т. 2. – С. 70–85.
12. Колесников, П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века / П. А. Колесников. – Вологда : Северо-Западное книжное издательство, 1976. – 416 с.
13. Колесников, П. А. Камеральные описания – источники по истории государственных крестьян Европейского Севера России конца XVIII – начала XIX веков / П. А. Колесников // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР : северный археографический сборник. – Вологда : [б. и.], 1978. – Вып. VI. – С. 91–97.
14. Котов, П. П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX вв. / П. П. Котов. – Сыктывкар : Сыктывкарский университет, 1996. – 165 с.
15. Котов, П. П. Система управления уделами и общинное самоуправление: по материалам Европейского Севера России / П. П. Котов // Жизнедеятельность человека на Севере: история, историография и источники исследования (на материалах Республики Коми) : сборник статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2019. – С. 12–24.
16. Малиновский, Ю. В. Административно-территориальное устройство Российского государства в XVI–XVII вв. / Ю. В. Малиновский // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. – 2019. – № 6. – С. 172–177.
17. Мамсик, Т. С. К истории создания крестьянских «обществ» в России: британские идеи и парагвайский опыт / Т. С. Мамсик // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 39–46.
18. Марийцы. Историко-этнографические очерки: коллективная монография. – Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2005. – 336 с.
19. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 22, № 16603. – С. 974–1008.
20. ПСЗРИ. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 24, № 17925. – С. 592–593.
21. ПСЗРИ. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 24, № 18082. – С. 672–677.
22. ПСЗРИ. Собрание 1. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1830. – Т. 27, № 20620. – С. 462–463.
23. ПСЗРИ. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1839. – Т. 13. – Ч. 1, № 11189. – С. 405–654.
24. ПСЗРИ. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1863. – Т. 36. – Ч. 1, № 36657. – С. 141–169.
25. ПСЗРИ. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Типография II отделения с.е.и.в.к., 1868. – Т. 41. – Ч. 1, № 42899. – С. 34–37.
26. Проект Императрицы Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей (сообщено В. И. Вешняковым) // Сборник Императорского Русского исторического общества / [под наблюдением А. А. Половцова]. – Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1877. – Т. 20. – С. 447–498.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 50. Д. 284.
28. РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. 1864 г. Д. 1.
29. Страховский, И. М. Как создавалась крестьянская волость (материалы редакционных комиссий) / И. М. Страховский // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1901. – № 3 (март). – С. 1–31.
30. Суворова, Н. Г. Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. / Н. Г. Суворова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 160–173.
31. Суворова, Н. Г. Оформление низовой административно-территориальной структуры Сибирского региона Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Н. Г. Суворова. – Текст : электронный // Электронный журнал «Сибирская Займка». – URL: <https://zaimka.ru/suvorova-administration/> (дата обращения: 21.07.2022).

S.A. Popov

CRITERIA FOR THE FORMATION OF VOLOSTS IN THE STATE VILLAGE ACCORDING TO LEGISLATIVE SOURCES OF THE END OF THE 18TH – SECOND HALF OF THE 19TH CENTURIES

The criteria of formation of volosts in the state village in the period from 1797 to 1866 are analyzed on the basis of the comparison of the normative acts, which determined the beginning of a new stage in the development of the volost organization: 1) the report of the State Farm Expedition of August 7, 1797; 2) the draft of April 30, 1838, which was part of P.D. Kiselev's reform; 3) the General regulation on peasants of February 19, 1861. According to the author, in the 19th century the government was in search of the optimal size of volosts. It can be seen from a change in the allowable number of its population and the location of villages from the volost government. However, the norms established by laws were not universal for all provinces, so local authorities were allowed to deviate from them.

State peasants, volost, legislative act, formation criteria, Pavel I, P.D. Kiselyov's reform, Great reforms.